от холода) проникавшего сквозь полы подбитой ветром шинели.

„Цвет роет." – думал Лютницкий, с острой жалостью оглядывая ряды и голову колонны, медленно изгибавшейся по дороге.

Проскакали несколько всадников, среди них на высоком белом коне Корнилов. Его светло-зеленая полушубка с косыми карманами ~~на груди~~ по бокам и белая папаха долго мелькали над рядами. Густыми раскатами „Ура" провожали его артиллерия батальона.

— Вот-вот это кто-то, да вот семья. – Ловичев по-старчески покашлял, свою заглянул в глаза Лютницкого, как-бы ища сочувствия. — Семья осталась у меня в Смоленске. – повторил он. – Жена и дочушка-девушка. На рождество исполнилось ей семнадцать лет. Каково это, скажу?

— Да-о-о.

— Вы тоже семейный? Из Новочеркасска.

— Нет я донского округа. У меня отец остался.

— Не знаю, что с ними... Как они там без меня – продолжал Ловичев. Его с раздражением перебил Старобельский.

— У всех семьи остались. Не понимаю чего вы сначала, подпалковник? Удивительный народ! Не успели войти в Ростов...

— Старобельский! Петр Петрович! Вы были в бою под Таганрогом? – прервал кто-то сзади через ряд.

Старобельский повернулся раздраженным лицом, пасмурно улыбнулся.

— А, Владимир Георгиевич, вы какими судьбами в наш взвод? Перевелся? С кем неладил?.. Ага, ну, это понятно. Вы спрашиваете про Таганрог? Да, был, а что? Совершенно верно, убили его.

Лютницкий, невнимательно прислушиваясь к разговору, вспоминал свой отъезд из Ягодного, отца, Аксинью. Его душило внезапно задавливающая на груди тоска. Он было переставал ночи, смотрел на колыхавшиеся впереди отвалы винтовок с привинченными штыками, на головы в папахах, фуражках и башлыках, раскачивавшиеся в ритме шага, думал: „Такой вот, как у меня, заряд ненависти и беспредельной злобы несет сейчас каждый из этих пяти тысяч, преданных отчизну. Выросшие, свалочи, из роет и здесь думают растоптать. Посмотрим! Корнилов выведет нас к Москве." В эту минуту он вспомнил приезд Корнилова в Москву и с радостью перешел на воспоминания того дня.

Где-то недалеко сзади, наверное в хвосте роты, шла батарея. Подрыгивали лошади, грохотали ворота, даже затя-